

На самом деле уже то, что Лу Тинфэн согласился её принять, было большой удачей, так что о какой помощи могла идти речь?

— Тинфэн, я знаю, раньше я делала ошибки, — голос Чжао Либин звучал мягко и просительно, она старалась держаться как можно скромнее, опустив голову и пряча глаза. — Я осознала свою вину и надеюсь, что ты сможешь меня простить. Пожалуйста, не вини меня, я очень тебя прошу.

Сейчас единственным, на кого она могла положиться, оставался только он — её последняя надежда, последняя соломинка, за которую она цеплялась изо всех сил.

— Либин, мне кажется, в прошлый раз я говорил достаточно ясно, — ответил он холодно, даже не взглянув на неё. — Больше не приходи. Это бесполезно.

Выражение лица, которое раньше всегда заставляло сердце Лу Тинфэна сжиматься от жалости, больше не действовало — он смотрел на неё и не чувствовал ровным счётом ничего. Её слёзы, её измождённый вид, её отчаяние — всё это было лишь спектаклем, который она разыгрывала в одиночку, и он прекрасно это понимал.

Но она не могла сдаться, не могла просто так уйти...

Слёзы текли по её лицу, когда она попыталась удержать его в последний раз, вложив в свой голос всю боль, на которую была способна:

— Тинфэн, я правда осознала свои ошибки, я всё поняла. Умоляю тебя, не будь со мной так жесток, дай мне ещё один шанс.

— Я устал, — устало произнёс он, массируя переносицу. — Устал играть с тобой в эти кошки-мышки, в эти вечные прятки. Всё, что было между нами, я уже давно оплатил сполна, и теперь наши счёты закрыты. Либин, если не хочешь, чтобы мы расстались врагами, уходи сейчас и больше никогда не появляйся. Я не хочу доводить до скандала.

Она пыталась снова и снова, но так и не смогла вернуть его сердце — оно было потеряно для неё навсегда. Нынешний Лу Тинфэн был настолько чужим, настолько далёким, что Чжао Либин на мгновение показалось, будто она вообще никогда его не знала, будто всё, что было между ними, — лишь плод её воображения.

Два года — срок, за который меняется слишком многое. Когда-то она была уверена, что вот-вот войдёт в богатую семью, станет женой этого блистательного мужчины, будет купаться в роскоши и славе. Но потом случилось то, что перечеркнуло все её планы, словно безмятежную гладь моря внезапно взбудоражил жестокий шторм, выбросивший её на берег, где она билась в песке, захлёбываясь водой, но так и не в силах изменить реальность.

— На самом деле тебя бесят не мои прошлые ошибки, — вдруг тихо сказала она, и в голосе её прозвучала горечь пополам с догадкой. — А то, что я когда-то подставила его. Ведь так? Ты поэтому не можешь меня простить?

— Ты его любишь?

Лу Тинфэн молчал, глядя куда-то в сторону, и это молчание было красноречивее любых слов.

Его молчание стало для Чжао Либин самым страшным, самым неопровержимым ответом, от которого у неё похолодело внутри. И всё же ревность, терзавшая её сердце все эти годы, взяла верх над здравым смыслом.

— Лу Тинфэн, ты что, забыл свои собственные слова? — выкрикнула она, и голос её задрожал. — Ты сам говорил: ты ненавидишь его, ты мечтаешь поскорее с ним развестись, он тебе противен! А теперь что? Развёлся — и пожалел? Да как ты смеешь!

— То, что между нами, тебя не касается, — отрезал он жёстко, давая понять, что разговор окончен. — Уходи, пока я не вызвал охрану. Будет только хуже, поверь мне.

Чжао Либин бросила на него полный ярости и обиды взгляд и, громко цокая каблуками, вышла из кабинета, хлопнув дверью так, что задрожали стёкла. Тишина, наступившая после её ухода, казалась почти осязаемой — она давила на уши, заполняла собой каждую пустоту. Лу Тинфэн сидел неподвижно, глядя на закрытую дверь, и думал о том, как странно устроена жизнь: когда-то эта женщина была для него целым миром, а теперь её уход не вызвал в душе даже ряби.

В левой руке он держал свадебную фотографию, и долго, очень долго, молча всматривался в неё, словно пытаясь найти там ответы на вопросы, которые мучили его все эти годы.

Хэ Ян привык после работы забирать сына и вместе ужинать тем, что удалось принести с собой из столовой. Это чувство — сидеть рядом с ним за одним столом, делить простую еду, слушать его весёлый щебет — было таким счастьем, которое невозможно описать словами, таким тёплым и уютным, что все невзгоды отступали сами собой.

Но однажды, когда они шли за руку мимо сверкающих витрин с игрушками, мимо парка развлечений, где смеялись дети и кружились разноцветные огни, Сюаньсюань вдруг замер. Он остановился как вкопанный и не отрываясь смотрел на витрину, где красовались игрушки с ценами, от которых у Хэ Яна защемило сердце и перехватило дыхание — столько, сколько он зарабатывал за месяц, здесь хватило бы разве что на одно колёсико от этой сверкающей машинки. Малыш не просил, не тянул за руку, не капризничал — он просто стоял и смотрел, прижавшись носом к холодному стеклу, и в этом взгляде было столько детского, наивного желания, столько надежды, что Хэ Яну стало до слёз больно от собственного бессилия. Он не мог дать сыну даже этого — простой игрушки, о которой тот даже не просил вслух. Хэ Ян молча подхватил сына на руки, прижал к себе покрепче и зашагал прочь, чувствуя, как к горлу подступает противный, горький комок, который никак не удавалось проглотить.

Наконец пришла зарплата — первый месяц тяжёлой работы остался позади, и можно было немного выдохнуть.

Утром Хэ Ян проснулся пораньше и первым делом посмотрел на спящего сына — тот сопел, свернувшись калачиком, и чему-то улыбался во сне. Хэ Ян осторожно погладил его по голове, и Сюаньсюань, будто почувствовав, приоткрыл один глаз, а потом, вспомнив, что сегодня праздник, вскочил как ужаленный. Они вместе почистили зубы, умылись, позавтракали — всё как обычно, но с каким-то особенным, почти забытым праздничным настроением, от которого на душе становилось легко и тепло. Хэ Ян одел сына во всё самое лучшее, что у них было, — вещи, которые он бережно стирал и гладил, откладывая для особого случая, — нарядил так, что залюбуешься, и только тогда, довольный, они вышли из дома, взявшись за руки.

Сюаньсюань был ужасно любопытным ребёнком — сидя у отца на коленях в автобусе, он вертел головой во все стороны, разглядывая проплывающие за окном дома, машины, людей, и засыпал его бесконечными вопросами:

— Папа, а мы куда едем? А это что за дом? А почему дядя такой сердитый?

Хэ Ян улыбался, поглаживал его по голове и терпеливо отвечал:

— Сегодня мы пойдём гулять в парк развлечений! Сначала погуляем, покатаемся на каруселях, а потом поедим чего-нибудь вкусенького. Хорошо?

Глаза Сюаньсюаня, и без того большие и круглые, стали ещё больше — они просто засияли от счастья. Он пришёл в такой неопишуемый восторг, что звонко, на весь автобус, чмокнул отца в щёку и закричал:

— Папа, я тебя больше всех на свете люблю!

Глядя на эту искреннюю, безудержную, совершенно детскую радость, Хэ Ян чувствовал: всё, что он делает, все его труды и лишения — не зря. Его сын — самое дорогое, что у него есть в этой жизни. Такой забавный, такой родной, он одним своим присутствием, одной своей улыбкой залечивал те раны, которые, казалось, уже никогда не заживут.

У входа в парк их уже ждал Ли Гуанбинь — загорелый, улыбающийся, с тремя билетами в руках. Завидев Хэ Яна с сыном, он расплылся в широкой улыбке, сунул билеты Хэ Яну и тут же подхватил Сюаньсюаня на руки, подкинув его в воздух.

— Дядя Гуанбинь, — серьёзно сказал малыш, разглядывая его внимательным взглядом, — ты опять загорел, совсем чёрный стал. Папа говорит, ты много работаешь и очень устаешь. Тебе надо отдохнуть, а то заболеешь!

Детская забота всегда так непосредственна и чиста — эти простые, искренние слова задели в

душе Ли Гуанбиня какую-то особенно чувствительную струну, отозвались щемящей болью.

Родители развелись, бабушка с дедушкой умерли, семейные неурядицы заставили его повзрослеть в одночасье, сбросив розовые очки. Но никто больше не звонил ему по вечерам, не спрашивал, как дела, не желал спокойной ночи. Единственное тепло, единственную искреннюю заботу он получал только от Хэ Яна и этого маленького человечка, который сейчас смотрел на него с такой серьёзностью.

— Спасибо, Сюаньсюань, — улыбнулся Ли Гуанбинь, пряча набежавшую слезу. — А ты, смотрю, ещё подросток, пока мы не виделись. Скоро совсем большим станешь, будешь папу защищать.

— Ага! — важно кивнул малыш, надув щёки. — Я каждый день много-много кушаю, ем кашу и суп, чтобы вырасти большим-пребольшим, как трансформер, и защищать папу!

От этой наивной детской похвальбы, от того, как серьёзно он это говорил, и Хэ Ян, и Ли Гуанбинь рассмеялись в голос, и смех этот был лёгким и счастливым.

Они вошли в парк — и начался настоящий праздник, который запомнится надолго. Для Сюаньсюаня, который носился как угорелый, разглядывая диковинных зверей, огромные горки, сверкающие аттракционы, это был лучший день в его короткой жизни. «Снежный дракон», «Идеальный шторм», «Космический корабль», «Горная лавина», «Весёлое колесо» — от всего этого великолепия у малыша просто глаза разбегались, он не знал, за что хвататься, куда бежать в первую очередь.

Но, как ни странно, Хэ Ян был счастлив не меньше сына. В детстве, в бедной семье, где каждый юань был на счету, он только мечтал о таком дне, тайком глотая слёзы и глядя на других детей, которых родители водили за руку, кормили сладостями, возили путешествовать. Тогда ему казалось, что это счастье доступно только другим, избранным, а ему самому — никогда в жизни.

А теперь, став взрослым и войдя в этот парк вместе со своим сыном, он вдруг снова почувствовал себя тем самым маленьким мальчиком, который так хотел поиграть, который так ждал чуда. Они с сыном носились по аттракционам, визжали от восторга, смеялись до упаду, кричали так громко, что заглушали музыку, — и это был их общий, ничем не омрачённый, чистый праздник. В какой-то момент Хэ Ян поймал себя на мысли, что смеётся по-настоящему, впервые за долгое время — не через силу, не ради приличия, а просто потому, что ему хорошо. Рядом с этим маленьким человечком, который держал его за руку, все невзгоды отступали, теряли свою силу, становились такими далёкими и неважными.

Когда солнце начало клониться к закату, а парк slowly пустел, Сюаньсюань, уставший, но счастливый, повис на отцовской руке и прошептал:

— Папа, это был самый лучший день в моей жизни. Спасибо тебе.

Хэ Ян подхватил его на руки, прижал к себе и, чувствуя, как по щеке скатывается предательская слеза, ответил:

— Это тебе спасибо, сынок. За то, что ты у меня есть.

Вечер опускался на город, зажигались первые огни, а они всё стояли у выхода из парка, обнявшись, и не хотели уходить — словно боялись, что это счастье, такое хрупкое и такое настоящее, может рассыпаться, если сделать хоть шаг.

<http://bllate.org/book/16098/1573536>